

АНИКШЧЯЙСКИЙ БОР

Вы, склоны голые холмов, покрытых пнями,
Красой блиставшие былыми временами,
Куда же унесло великолепье ваше,
Где гул ваш ветровой, какого нету краше;
Когда вдруг листья все в том белолесьи пели,
А сосны старые трещали и скрипели;
Где ваши птицы, пташки и пичужки,
Чей щебет слушали здесь на любой опушке;
Где ваши звери, где зверюшек ваших шорох,
Где все берлоги их, и логова и норы?
Исчезло это всё – стоят в просторах голых
Лишь сосен несколько, кривых и невеселых.
И солнце зло печет, вокруг пустырь покатый,
Сухими ветками и шишками богатый.
С тревогой на него глядя, сравненья ищешь,
Сказал бы ты, что он похож на пепелище.
Лесной ли городок испепелен пред нами,
Кочкарник ли спален в лесистой глухомани.
Бывало в лес идешь – глаза прикрой, такая
Отрада в душу льет и за сердце хватает.
И думаешь, когда та в сердце сладость тает:
В лесу ли я стою, иль в небе, в кущах рая?
Куда ни кинешь взгляд – всё зелено, привольно,
Лесные запахи влекут тебя невольно.
Прислушаешься: шум, веселый звон, гуденье,
Что ни почувствуешь – всё на сердце, как пенье.
Постели мягких мхов разостланы в покое,
Они влекут, их тронь – трепещут под рукою.
А ягод стебельки подносят изумрудно –
То алых ягод блеск, то черных ягод, чудных.
Их чернь и алость их в грибном богатстве тонет,
На рыжем, розовом, белесоватом тоне.
Лисичек леечки сквозь трещину желтеют,
Над мшистой простыней стыдливо щеки греют.
Грибов-подлипков здесь тарелки на опушке,
И кочками в траве, надувшись, спят свинушки.
Под елью рыжики – семья в семью вырастает,
Сморчки же – в сосняке из мерзлых комьев – стаей.
Мир серых, голубых и красных сыроежек,
Он весел и красив, он тих и безмятежен.

I rusų kalbą vertė Nikolajus Tichonovas